

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов

Улыбка, приносящая горе

Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158219

Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Пуга; 1994

Оригинал: Isaac Asimov, "The Smile that Loses"

Перевод:

Михаил Борисович Левин

Аннотация

Постоянный герой серии Айзека Азимова об Азазеле Джордж в рассказе «Улыбка, приносящая горе» решил помочь подруге своей племянницы Розы О’Доннел, вышедшей недавно замуж за ирландца. Дело в том, что у него была великолепная улыбка, но он так редко улыбался, что Розы очень хотелось иметь фотографию, где бы муж именно так улыбался. Азазел снова сделал то, о чем его попросил Джордж...

Айзек Азимов

Улыбка, приносящая горе

Как-то за пивом я спросил своего приятеля Джорджа (пиво пил он, а я обошелся лимонадом):

– Как там поживает ваш мелкий бесенок?

Джордж утверждает, что у него есть демон ростом два сантиметра, которого он умеет вызывать. Мне никогда не удалось заставить его признать, что он выдумывает. И никому не удавалось.

Джордж взглянул на меня долгим, пронзительным взором, а потом сказал:

– Ах да, вам-то я про него и рассказывал! Надеюсь, что вы больше никому не говорили.

– Слова не сказал, – подтвердил я. – На мой взгляд, достаточно того, что я считаю вас сумасшедшим. Мне не надо, чтобы кто-нибудь разделял мое мнение.

(Кроме меня он рассказал про демона еще примерно шестью, так что в нарушении конфиденциальности с моей стороны даже не было необходимости.)

Джордж заявил:

– Я бы не хотел обладать вашей способностью не верить ничему, чего вы не можете понять – а понять вы не можете так многого, – даже за цену килограмма плутония. А если мой демон услышит, как вы обзываете его бесенком, то, что

от вас останется, будет стоять меньше атома плутония.

– Вы узнали его настоящее имя? – спросил я, нимало не обеспокоенный его грозным предупреждением.

– Не смог! Человеческие уста не в силах его произнести. Перевод же, как мне дали понять, звучит примерно так: «Я, Царь Царей, Могучий, Дающий Надежду и Отчаяние». Конечно, это вранье, – сказал Джордж, задумчиво глядя в свою кружку. – У себя дома он – мелкая сошка. Потому-то он здесь так охотно мне помогает. В нашем мире с его отсталой технологией он может себя проявить.

– И давно он проявил себя последний раз?

– На самом деле совсем недавно, – Джордж; испустил нечеловеческой силы вздох и посмотрел своими выцветшими голубыми глазами прямо на меня. Его редкие седые усы медленно опустились после пронесшегося урагана эмоций.

Эта история началась с Розы О'Доннел (так сказал Джордж). Она была подругой моей племянницы и очень приятным созданием сама по себе. У нее были голубые глаза, почти такие яркие, как у меня, длинные, роскошные каштановые волосы, точеный носик, усыпанный веснушками, которые столь восхищают авторов любовных романов, лебединая шея и стройная, без изъянов, фигура, обещающая восторги любви.

Для меня, конечно, все это представляло чисто эстетический интерес, поскольку я уже много лет назад вступил в воз-

раст воздержания и теперь ввязываюсь в физические последствия увлечения, только если дамы настаивают, что, благодарение судьбе, случается только изредка и тянется не дольше уик-энда.

Кроме того, Роза недавно вышла замуж и почему-то преувеличенно обожала своего молодого мужа – здоровенного ирландца, который не давал себе труда скрывать, что он весьма мускулист и не менее вспыльчив. Я не сомневался, что в свои молодые годы легко бы с ним справился, но, к сожалению, мои молодые годы давно уже позади. По всему по этому я с некоторой неохотой, но терпел привычку Розы считать меня чем-то вроде близкой подруги ее возраста и пола и делать меня поверенным ее девичьих тайн.

Я, понимаете ли, не ставлю ей это в вину. Мое природное достоинство и внешность римского императора автоматически привлекают ко мне молодых дам. Тем не менее я не позволял ей заходить слишком далеко. Я всегда следил, чтобы между мной и Розой была достаточная дистанция, поскольку я никоим образом не желал, чтобы до ушей несомненно здоровенного и, вероятно, вспыльчивого Кевина О'Доннела дошли какие бы то ни было искаженные слухи.

– Ах, Джордж, – сказала однажды, всплеснув ручками, Роза. – Если бы вы знали, какая лапушка мой Кевин и как он умеет меня улаживать. Вам рассказать, как он это делает?

– Я не уверен, – осторожно начал я, стараясь избежать слишком откровенных излияний, – что вам следует...

Она не обратила внимания.

– Он вот так морщит нос, а глазами вот так часто-часто хлопает, а еще при этом так ярко улыбается, что ни один человек не может не развеселиться, когда на него смотрит. Знаете, как будто солнышко выглянуло и все осветило. Ах, если бы у меня была его фотография с таким лицом! Я пыталась его снять, но никак не могла поймать момент.

Я сказал:

– Милая моя, а чем вас не устраивает натура?

– Ну, понимаете... – она замялась, очаровательно покраснела, а потом продолжила: – Он ведь не всегда такой. У него в аэропорту страшно тяжелая работа, так что иногда он приходит такой усталый, что немножко хмурится и ворчит. А вот если бы у меня была его фотография, то это бы меня тогда утешало. Сильно-сильно утешало, – закончила она, и в глазах блеснули непролитые слезы.

Должен признать, что у меня мелькнула было мыслишка рассказать ей про Азазела (я его так называю, потому что не собираюсь произносить тот набор слов, который якобы является переводом его имени) и объяснить, что он для нее может сделать.

Однако я очень щепетилен в вопросах сохранения чужой тайны и понятия не имею, откуда вы разузнали про моего демона.

Ну, и кроме того, мне легко подавлять подобные импульсы, поскольку я человек жесткий, реалистичный и глупой

сентиментальности не подвержен. Должен сказать, однако, что в твердой броне моего сердца есть некоторые слабые места, доступные для очаровательных юных дам выдающейся красоты, – разумеется, я имею в виду вполне достойные и почти что родительские чувства. К тому же я понял, что могу оказать ей эту услугу, даже не говоря ничего об Азазеле... нет, не из боязни недоверия – я могу убедить любого нормального человека без психических отклонений вроде ваших.

Когда я представил дело Азазелу, он никак не выразил восторга. Напротив, он мне заявил:

– Ты просишь сделать какую-то абстракцию.

– Ничего подобного, – сказал я ему. – Я прошу простую фотографию. Тебе надо только ее материализовать.

– И это все? Отчего бы тебе самому этого не сделать, если это так просто? Ты ведь, я вижу, разбираешься в вопросах эквивалентности массы и энергии.

– Ну только одну фотографию.

– При этом с таким выражением, которое ты даже не можешь определить или описать.

– Естественно, ведь он никогда не смотрел на меня так, как на свою жену. Но я верю в твое могущество.

Я понимал, что лишней ложкой масла кашу не испортить. И не ошибся. Он мрачно буркнул:

– Тебе придется сделать снимок.

– Я не смогу поймать выражение... – начал я.

– Этого и не понадобится, – прервал он меня. – Это уже моя забота, но проще будет иметь материальный объект, на который можно спроецировать абстракцию. Другими словами – фотоснимок, пусть даже самый плохой, на какой ты только и способен. И конечно, только один. Больше я не смогу сделать, и вообще, не собираюсь рвать мышцы своего подсознания для тебя или любого безмозглого представителя твоей породы из вашего мира.

Да, верно, он часто бывает резок. Я думаю, он таким образом подчеркивает важность своей роли и пытается внушить, что не обязан выполнять все, о чем его попросят.

С О'Доннелами я встретился в воскресенье, когда они возвращались из Массачусетса (на самом деле я их подкараулил). Они позволили мне снять их в выходных костюмах, причем она была польщена, а он отнесся несколько неприветливо. После этого я как можно более ненавязчиво сделал портретный снимок Кевина. Мне бы никогда не удалось заставить его улыбнуться, или сощуриться, или что там еще Роза описывала, но это не было важно. Я даже не был уверен, что правильно навел на резкость. Я, в конце концов, не принадлежу к великим фотохудожникам.

Потом я зашел к своему приятелю, который в фотографии мастер. Он мне проявил оба снимка и увеличил портрет до размера девятнадцать на двадцать восемь.

Он все это проделал с недовольным видом, ворча себе под нос, что он страшно занят, но я не обратил на это внимания.

В конце концов, какое значение имеют все его глупости по сравнению с действительно важным делом, которым был занят я? Меня всегда удивляло, сколько людей никак не могут понять такой простой вещи.

Однако его настроение переменялось, как только портрет был готов. Все еще глядя на него, он мне сказал:

– Только не надо мне говорить, что это ты сделал снимок такого класса.

– А почему бы и нет? – сказал я и протянул руку за портретом, но он сделал вид, что ее не заметил.

– Тебе же нужны еще несколько копий.

– Нет, не нужны, – ответил я, заглядывая ему через плечо. Фотография была исключительно четкой и с великолепной цветовой гаммой. С нее улыбался Кевин О'Доннел, хотя я не мог припомнить такой улыбки в момент съемки. Он хорошо выглядел и смотрел приветливо, но мне это было все равно. Наверное, чтобы увидеть в этом снимке нечто большее, нужно было быть женщиной либо мужчиной вроде моего приятеля-фотографа, не обладающего столь высокой мужественностью, как ваш покорный слуга.

– Давай я только одну сделаю – для себя.

– Нет, – твердо ответил я и вынул снимок из его руки, предварительно взяв его за запястье, чтобы он не вздумал его выдергивать. – И негатив, будь добр. Можешь оставить себе вот этот – снимок с расстояния.

– Такое мне не нужно, – ответил он, скривив губы, и когда

я уходил, он даже не пытался скрыть своего огорчения.

Портрет я вставил в рамку, поставил на полку и отступил, чтобы посмотреть. Вокруг него было видно вполне различимое сияние. Азazel хорошо сработал.

Интересно, подумал я, как отреагирует Роза. Я ей позвонил и спросил, можно ли мне заехать. Оказалось, что она собралась в магазин, но вот если бы я мог примерно через час...

Я мог, и я заехал. Свой фотоподарок, завернутый в бумагу, я ей протянул без единого слова.

– Боже мой! – воскликнула она, разрезав ленточку и разворачивая обертку. – Это что, в честь какого-то праздника или...

Но тут она его достала, и ее голос пресекся. Глаза широко открылись, и дыхание участилось. Наконец она смогла прошептать:

– Мамочка моя!

Она посмотрела на меня:

– Это то, что вы снимали в воскресенье?

Я кивнул.

– Ко как вы его точно схватили! Я его такого обожаю. Ради Бога, можно я возьму это себе?

– Я принес его вам, – просто ответил я.

Она обхватила меня руками за шею и крепко поцеловала в губы. Такому человеку, как я, не любящему сантименты, это не могло понравиться, и потом пришлось вытирать усы,

но ее неспособность сдерживать в тот момент свой порыв была вполне, простительна.

После, этого мы не виделись примерно с неделю, а потом я встретил ее как-то у лавки мясника, и с моей стороны было бы просто невежливо не предложить ей поднести сумку до дома. Естественно, меня интересовало, не собирается ли она снова полезть целоваться, и я про себя решил, что было бы грубо отказывать, если настаивает столь очаровательное создание. Однако она упорно глядела куда-то вниз.

– Как поживает фотография? – спросил я, опасаясь, не стала ли она выцветать.

Рози сразу оживилась:

– Прекрасно! Я поставила ее на магнитофон и наклонила так, чтобы с моего места за столом ее было видно. Он на меня глядит так немножко искоса, с такой хитринкой, и нос у него наморщен как раз как надо. Честное слово, совсем как живой. И мои подруги глаз отвести не могут. Мне приходится ее прятать, когда они приходят, а то вот-вот украдут.

– А его они не украдут? – шутливо спросил я.

Рози снова впала в то же напряженное молчание. Потом она качнула головой:

– Не думаю.

Я попробовал зайти с другой стороны:

– А как Кевину эта фотография?

– Он слова не сказал. Ни одного слова. Он, знаете ли, не очень наблюдателен. Я не уверена, что он ее вообще заметил.

– А что, если ему ее прямо показать и спросить?

Она молчала примерно полквартиры, а я тащился рядом с тяжелой сумкой, гадая, не потребует ли она еще и поцелуя в придачу.

Внезапно она сказала:

– На самом деле у него сейчас такая напряженная работа, что как-то не представляется случая спросить. Он приходит домой поздно и со мной вообще почти не разговаривает. Ну, вы же знаете, мужчины – они такие. – Она попыталась зашутить, но у нее ничего не вышло.

Мы подошли к ее дому, и я вернул ей сумку. Она вдруг сказала шепотом:

И все равно вам спасибо за фотографию, много-много раз!

И ушла. Поцелуя она не попросила, а я настолько погрузился в свои мысли, что осознал этот факт только на полпути к дому, когда уже возвращаться только для того, чтобы спасти ее от разочарования, было бы глупо.

Прошло еще дней десять, и как-то утром она мне позволила. Не могу ли я заехать и с ней позавтракать? Я сдержанно заметил, что это было бы несколько неудобно – что скажут соседи?

– А, глупости, – сказала она. – Вы же такой невообразимо старый... то есть я хочу сказать, такой невообразимо старый друг, что им и в голову... Ну, а кроме того, мне нужен ваш совет. – Мне показалось, что она всхлипнула. Джентль-

мен всегда должен быть джентльменом, поэтому я оказался во время ленча в ее солнечной квартирке, Она поставила на стол бутерброды с ветчиной и сыром и тонкие ломтики яблочного пирога, а на магнитофоне стояла фотография, как она рассказывала.

Мы поздоровались за руку, и никаких попыток целоваться она не делала, что могло бы меня успокоить, если бы не ее вид, который отнюдь не внушал спокойствия. Она выглядела совершенно изнуренной. Я съел половину всех бутербродов, пока ждал, чтобы она заговорила, но в конце концов был вынужден сам спросить, откуда вокруг нее атмосфера такой мрачной безнадежности.

– Это из-за Кевина?

Я был уверен, что не ошибся.

Она кивнула и разразилась слезами. Я гладил ее руку, но не был уверен, что этого достаточно. Я стал ненароком гладить ей плечо, и наконец она сказала:

– Я боюсь, что он потеряет работу.

– Что за глупости! Почему?

– Понимаете, он стал такой дикий, очевидно, и на работе тоже. Он уже Бог знает сколько времени меня не целует и даже слова доброго никогда не скажет. Он ссорится всегда и со всеми. Что случилось – он мне не говорит, а если я спрашиваю, он бесится. Вчера зашел друг, с которым Кевин работает в аэропорту. Он сказал, что Кевин работает с таким угрюмым и несчастным видом, что начальство уже стало за-

мечать. Я уверена, что его собираются уволить, но что же мне делать?

Чего-то в этом роде я ожидал с нашей последней встречи и решил, что надо рассказать ей правду, и черт с ним, с Аззелом. Я прокашлялся:

– Рози! Эта вот фотография...

– О да, я знаю, – воскликнула Рози, хватая фотографию и прижимая ее к груди. – Она дает мне силы это переносить. Эта – настоящий Кевин, и что бы ни случилось – он всегда будет со мной, – Она начала всхлипывать.

Я понял, что сказать то, что надо сказать, будет крайне трудно, однако другого пути не было. И я сказал:

– Рози, вы не поняли. Вся беда в этой фотографии, и я в этом уверен, Все обаяние, вся жизнерадостность этой фотографии должны были откуда-то взяться. Так вот, ах отобрали у самого Кевина. Понимаете?

Рози перестала плакать.

– Вы это о чем? Фотография – это просто свет, собранный линзой, и еще эмульсия на пленке, и всякие там проявители – и все.

– Обычная фотография – да, но эта... – Я знал ограниченность возможностей Аззела. Волшебную фотографию из ничего ему было бы создать не под силу, но боюсь, что научную сторону вопроса, некий закон сохранения жизнерадостности я бы не смог объяснить Рози.

– Давайте я скажу так. Пока здесь будет стоять эта фото-

графия, Кевин будет несчастен, сердит и раздражителен.

– Но здесь будет стоять эта фотография, – сказала Роза, решительно водружая ее на место, – и я не понимаю, зачем вы говорите такие ужасы про такую хорошую вещь. Ладно, давайте я сварю кофе.

Она вышла на кухню, и я видел, что она оскорблена до глубины души. Тогда я сделал то, что было единственно возможным. В конце концов, ведь это я сделал снимок. И опосредованно – через Азазела – на меня ложилась ответственность за его волшебные свойства. Я схватил рамку, осторожно снял задник, вынул фотографию. И порвал ее пополам, потом на четыре части, на восемь, на шестнадцать и сунул клочки себе в карман. Как только я закончил, зазвонил телефон, и Роза бросилась к нему в гостиную. Я вдвинул задник на место и поставил рамку обратно. Она была бела и пуста.

И тут я услышал, как Роза счастливо взвизгнула.

– Кевин! – донеслось до меня. – Это же чудесно! Я так рада! Но почему же ты мне ничего не говорил? Никогда больше так не делай!

Она вернулась с сияющим лицом.

– Вы знаете, что сделал этот ужасный Кевин? У него был камень в почке, и он ходил к врачу, и вообще, переживал. Это же была дикая, адская боль, и могла быть нужна операция, а мне он не говорил, потому что не хотел меня волновать. Вот болван! Конечно, он ходил такой несчастный. Ему и не пришло в голову, что я еще больше переживала, не зная,

что с ним творится. Нет, серьезно, мужчин нельзя оставлять без надзора.

– А отчего вы сейчас так радуетесь?

– А камень вышел. Вот только что, и он первым делом сказал мне, что очень мило с его стороны – и как раз вовремя. У него такой счастливый голос, и такой радостный. Как будто вернулся прежний Кевин. Он совсем такой, как на этой фотографии...

Рози обернулась и взвизгнула:

– Где фотография?

Я встал, собираясь уходить. На ходу, идя к двери, я произнес:

– Я ее уничтожил. Потому-то камень и вышел.

– Уничтожил? Ах ты...

Я уже был за дверью. Я не ждал благодарности, но и до убийства доводить не хотел. Не дожидаясь лифта, я поспешил вниз с той скоростью, которую мог себе позволить, и добрых два этажа до моих ушей доносился ее дикий вой.

Дома я сжег клочки.

С тех пор я не видел Розы. Как я слышал, Кевин стал нежным и любящим мужем, и они очень счастливы, но одно письмо я все же от нее получил. Семь страниц мелким почерком, сбивчивых и почти бессмысленных. Из них я только мог понять, что она считает, будто настроение Кевина полностью объясняется историей с камнем, а что появление и выход камня так совпали по времени с фотографией – чи-

стая случайность.

Еще там было несколько совершенно сумасшедших обещаний меня убить, а также – абсолютно непоследовательно – повредить некоторые части моего тела, причем называемые такими словами, которые, как я готов был бы поклясться, она не только не употребляет, но и вообще никогда не слышала.

И я так понимаю, что никогда больше она не полезет ко мне целоваться, и это, как ни странно, меня несколько огорчает.